

Бетева Наталья Валерьевна

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ УПРАВЛЕНИТЕТА

Статья раскрывает проблематику социальной власти в рамках современного общества. Основной предмет работы - понятие "управлениет", призванное выявить новые способы и формы реализации власти в обществе. Власть рассматривается как дезобъективированная величина, характеризующая механизмы социальных процессов. Участие индивидов в этих процессах представляется не через "подчинение" неким властным установкам, но в форме "рациональных" действий свободного субъекта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. III. С. 32-34. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 1

Статья раскрывает проблематику социальной власти в рамках современного общества. Основной предмет работы – понятие «управленитет», призванное выявить новые способы и формы реализации власти в обществе. Власть рассматривается как дезобъективированная величина, характеризующая механизмы социальных процессов. Участие индивидов в этих процессах представляется не через «подчинение» неким властным установкам, но в форме «рациональных» действий свободного субъекта.

Ключевые слова и фразы: власть; управление; управленитет; забота о себе; субъект; самоконтроль; рациональность; свободная личность.

Наталья Валерьевна Бетева

Кафедра социальной философии

Философский факультет

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

nancy.82@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ УПРАВЛЕНИТЕТА[©]

В данной статье ставится цель представить новую методологическую концепцию – «управленитет», что определяется нами как стратегия социальной власти. Смысл данной концепции – вывести проблематику власти за рамки сугубо политической сферы и понять её не столько в плоскости отношений формата «подавление-подчинение», сколько раскрыть её в контексте социальной динамики, которая управляется и направляется как невидимая власть, структурирующая все основополагающие социальные процессы, и которая реализуется в форме реифицированной организации социальной жизни. Новая власть уже осуществляется не посредством прямых указаний и запретов, а *структурно* и *организационно*, через абстрагированные социальные институты, через само устройство общества.

Сегодня власть начинает всё больше пониматься как управление – управление социальными процессами, в которых и конституируется общество. Активирующий, направляющий, целеполагающий, социоструктурирующий и легитимирующий смысл власти вытесняет смысл «суверенный» – насильственный и подавляющий, указующий и взыскивающий.

Если исконно власть толкуется как право господства над несвободными, то в Новое время как раз и возникает необходимость пересмотра самой её концепции в этом качестве, поскольку отныне встает вопрос о том, а что значит **властвовать** над **свободными гражданами**, каковы механизмы такой власти и как разрешимы очевидные противоречия между властью и свободой граждан?

Вообще понятие «управленитет» впервые использует французский мыслитель М. Фуко в поздний период своего творчества [4], оно призвано, по его мнению, окончательно преодолеть объектно-личностное восприятие власти и понять механизмы управления социальной динамикой и социальным воспроизводством. К сожалению, данная концепция была лишь заявлена мыслителем и не получила дальнейшей проработки и развития, тем не менее, она, несомненно, является весьма продуктивной и жизнеспособной в аспекте описания современной реальности и исследования тех структурирующих, направляющих основ, что определяют наше существование как социальных субъектов и объектов.

Само понятие «управленитет» (*gouvernementalité* – фр., *governmentality* – англ.) концептуально включает в себя понятия управление и менталитет, т.е. рассудок, сознание; кроме того, оно оппозиционно созвучно понятию «суверенитет», в котором выражено классическое восприятие власти как прямой власти суверена, господина, над своими подданными. Этим понятием Фуко устанавливает связь власти не просто с сознанием человека, но с сознанием субъекта, который сознает себя **именно** субъектом, т.е. активным, мыслящим, целеполагающим актором. Оно концентрирует в себе политические и этические идеи Фуко.

Таким образом, в поздний период творчества мыслитель углубил собственную теорию через трактовку власти как власти над собой, управления – как само-управления и т.д., придя, в конечном счете, к пониманию того, что процесс «индивидуации» общества – всего лишь результат осуществления новой формы власти, в её новом качестве как *управленческой власти*. В этом историческом контексте происходит ломка классической субъект-объектной властной установки: обладание властью одного над другим всё более раскрывается в плоскости само-управления, но ответственно управлять собой человек может, лишь сознавая себя как некое *Я*, в качестве сознательного, целеполагающего и активного *субъекта*. Тем самым именно субъективность оказывается главным проводником доминирующей властной установки, основной управленческой движущей силой и инструментом.

В то же время, очевидно, что сознательность, ментальность субъекта, понимание разумности, логичности своего поведения, своих действий, целей, возможностей предполагают некий широкий контекст рациональности, разумности. Субъект, по Фуко, возможен лишь как часть определённой системы Рационального, которая легитимируется в строго заданных границах, т.е. здесь мы снова видим, как «поздний» концепт управленитет вполне гармонично вписывается во всю его теорию, как он вбирает в себя основные идеи и разработки мыслителя, касающиеся вопросов власти, знания, рациональности и субъективности. В этой же связи раскрывается и тема свободы как атрибута и главной характеристики разумного субъекта. Если, по мнению

Фуко, «управление людьми предполагает некоторую форму рациональности, а не инструментальное насилие или какую-то слепую силу, власть может подчинить индивида управлению, только если он сможет оставаться свободным» [5, р. 703]. Ещё в своей ранней работе «История безумия в классическую эпоху» Фуко исследует весьма в нетривиальном свете образ «свободного разумного субъекта» как часть образующего западного мира в Новую эпоху. «Границы свободы и границы разума совпадают. При повреждении разума свобода может быть подвернута принуждению; но повреждение должно быть из числа таких, что угрожают жизни самого субъекта, либо свободе других» [3, с. 430-431]. Фуко показывает, что главным признаком разума становится приверженность ценностям «гражданского общества», и, соответственно, быть «свободным гражданином» отныне не означает иметь какой-то привилегированный статус, но в этом выражается необходимость, некое *обязательство* перед обществом, для того чтобы быть «нормальным». Новая эра не столько лишает безумие права голоса и выбора, но лишает его статуса субъекта, способного говорить и выбирать. И на примере истории безумия, благодаря Фуко, мы можем видеть не столько изоляцию «безумства» в классическую эпоху, сколько механизм производства, конструирования «гражданского общества» и «свободного субъекта», который, только внимая границам разумного, задаваемым индустриально-рыночной социальной этикой, получает право быть «нормальным».

И, в соответствии с логикой Фуко, мы можем сказать, что именно свободный гражданин оказывается одновременно и полигоном, на котором разворачивается новая властная стратегия управленческого типа, которую мы определяем как управлениет, и фактически управленизируемой конструкцией, т.е. той, которая формируется в процессе управления, определяемой нами как субъект.

Как можно заметить, идеи Фуко здесь тесно переплетаются с концепцией П. Бурдьё, который рассуждает о социальном пространстве как системе выстраивания позиций. Бурдьё описывает это пространство «как поле сил, как совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим в это поле и несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным взаимодействиям» [1, с. 15]. Говорить в данном случае о социальном пространстве можно лишь в той мере, в какой каждому человеку присуще ощущение своей позиции в структуре этого пространства. Восприятие социального мира складывается через инкорпорирование объективных структур социального пространства, вследствие чего мир *субъектно* принимается таким, каков он есть, как нечто само собой разумеющееся, в чьей легитимности нельзя усомниться. И «практический смысл», которым руководствуется агент, действуя в социальном пространстве, фактически инкорпорирован в занимаемую позицию. Субъектно осознанный «практический смысл» выявляется через совпадение между габитусом и социальным полем (или позицией в поле): тот, кто построил в себя структуры мира, непосредственно в нём же и обнаруживается, без необходимости принятия решения, и он открывает то, что необходимо сделать, и сделать так, «как нужно».

Фуко представляет трансформацию суверенной власти эпохи средневековья в какое-то новое качество, в искусство управления, что, в свою очередь, знаменует переход суверенного общества в дисциплинарное, а затем и в общество управления или в такую форму, которую Ж. Делёз называет «обществом контроля» [2]. Это постепенный процесс, в котором начинает выражать себя смысл рассеянной, десубстантивированной, детерриториализированной власти – власти как управления социальными процессами и социальными позициями, когда глобальные стратегические цели и задачи решаются «точечными», сингулярными механизмами.

И главной точкой приложения новой властной стратегии, основной сингулярностью оказывается субъект, практикующий «заботу о себе» как фундаментальную рациональность собственного существования. Стратегия управлениетета может быть действенной лишь в той мере, в какой индивид, субъект, оказывается реальностью. Соответственно, чтобы заработали управленческие механизмы, нужно, прежде всего, «создать» субъекта, а чтобы придать этой властной стратегии стабильность, необходимы условия, поддерживающие существование субъекта.

Таким образом, благодаря концепции управлениетета мы видим, как современное суверенное государство и современный автономный индивид, «свободная личность» со-полагают друг друга, как связаны друг с другом исторические процессы, в ходе которых меняется образ государства и образ человека. Власть отныне проявляется в «заботе о личности», «защищает его права и свободы», борется с любыми посягательствами на его «индивидуальность и независимость» и т.д. – и именно в этом качестве она реализуется, т.е. в привязке к «свободной личности», через её формирование и заботу о ней, которая, в свою очередь, её же, власть, легитимирует. И в этом свете мы ещё раз убеждаемся в том, что исторические генеалогические исследования Фуко (подобно исследованиям Ф. Ницше) – это, прежде всего, есть подступ к настоящему, подход к современности; в этом выражается попытка осмысления той реальности, в которой мы живём. Через понимание природы современной власти мы лучше понимаем себя и в то же время, через самоанализ, исследование нашей субъективности, мы формируем более адекватный образ власти, которая меняется на наших глазах, трансформируя и нашу действительность.

Список литературы

1. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2005.
2. Делёз Ж. Общество контроля [Электронный ресурс] // Элементы. М., 2000. № 9. URL: <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=547> (дата обращения: 15.03.2010).
3. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997.
4. Foucault M. Governmentality // The Foucault Effect: studies on governmentality. L.: Routledge, 1991.
5. Foucault M. «Omnes et singulatim»: vers une critique de la raison politique // Foucault M. Philosophie. Antologie. P.: Galilimard, 2004.

INTRODUCTION TO GOVERNMENTALITY PROBLEMATICS

Natal'ya Valer'evna Beteva*Department of Social Philosophy**Faculty of Philosophy**Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. El'tsin**nancy.82@mail.ru*

The author reveals social power problematics within the framework of modern society, studies the main object of the work – the notion “governmentality” intended to identify the new methods and forms of power implementation in society, considers power as a dis-objectified value characterizing social processes mechanisms and represents individuals’ participation in these processes not via the “submission” to some authoritative attitudes but in the form of a free person’s “rational” actions.

Key words and phrases: power; government; governmentality; self-concern; person; self-control; rationality; free personality.

УДК 341

В статье рассматривается политическая ситуация в Европе в 1960-х – 1970-х гг., а также предпосылки и конкретные условия, приведшие к заключению Люксембургского соглашения. Автором статьи проведен правовой анализ основных положений Люксембургского соглашения и сформулированы выводы о его значении для дальнейшего развития европейского строительства. Большое внимание уделено изучению соотношения наднациональных и межправительственных элементов в деятельности европейских сообществ в связи с подписанием Люксембургского соглашения.

Ключевые слова и фразы: Люксембургское соглашение; европейская интеграция; наднациональность; кризис «пустого кресла»; принцип голосования квалифицированным большинством; межправительственный подход; Европейский совет.

Дарья Александровна Бида*Кафедра мировой политики и международных отношений**Российский государственный гуманитарный университет**daryabida@mail.ru***ЛЮКСЕМБУРГСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ И КРИЗИС НАДНАЦИОНАЛЬНОСТИ
В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В 60-Е – 70-Е ГОДЫ XX ВЕКА®**

Идея создания «единой Европы» имеет многовековую историю. Ее высказывали, например, Пьер Дюбуа (XIV в.) при дворе французского короля Филиппа Красивого, герцог Сюлли – министр финансов французского короля Генриха IV и другие. Силой оружия ее пытался претворить в жизнь Наполеон. В начале XX века «европейскую идею» пытался реализовать через учреждение европейского федеративного союза премьер-министр Франции Аристид Бриан. Но только после второй мировой войны идея «единой Европы» получила свое реальное воплощение.

В 1940-1950-е гг. сформировались две противоположенные концепции объединения европейских стран: федералистская, предполагавшая образование европейской федерации и учреждение верховной наднациональной власти, и конфедералистская, предусматривавшая образование конфедеративного союза на принципах межгосударственного соглашения. При создании первых европейских сообществ была реализована компромиссная модель, содержащая как наднациональные, так и межправительственные черты. Неслучайно все последующее развитие сообществ характеризуется перманентной борьбой этих тенденций.

Первое серьезное столкновение двух концепций строительства Европы, наднациональной и межгосударственной, произошло в 1965 г., что стало причиной первого институционального кризиса в рамках сообществ [1, с. 169]. Как отмечает Н. Ю. Кавешников, данное противостояние носило персонифицированный характер между президентом Франции Ш. де Голлем и председателем Европейской комиссии В. Хальштейном [3, с. 25]. Будучи последовательным федералистом, Хальштейн стремился позиционировать ЕЭС как политическую организацию, а саму Комиссию представлял как политический орган. Характерное для него восприятие ЕЭС как «федерации в процессе становления» противоречило позиции лидеров большинства государств-членов и, в особенности, позиции де Голля, для которого целью была Европа, основанная на межправительственном сотрудничестве [Там же, с. 26].

Разногласия между де Голлем и Хальштейном нарастали. Прежде всего, они касались источников финансирования общей аграрной политики и расширения полномочий Европарламента.